

ной и Александра Пироженко. Помимо скульптуры, они создали ряд живописных и графических произведений, наполненных глубоким философским смыслом: «Автопортрет с женой и нартой», «Портрет охотника А. Ташлыкова», «Одиночество» (портрет охотоведа А. Кузьменкова) – А. Пироженко, «Точка на карте», «Лесновские юкольники» – В. Крупиной.

Неоднократные поездки в Дом творчества для скульпторов имени Д. Кардовского в Переславле-Залесском давали им дополнительный импульс для плодотворной работы, обмена опытом и общения в кругу коллег – скульпторов из разных регионов страны.

«Пирог» всегда и везде пользовались огромным авторитетом и уважением среди друзей, среди местного населения. Вокруг них всегда была какая-то особая атмосфера гармоничности бытия и много интересных людей.

Последние годы Александр Пироженко работал особенно много, буквально на износ, хотел успеть завершить свои многочисленные замыслы. Это был расцвет его творческих сил. «Конечно, не все успел...», – вспоминает Виктория Крупина. 2 февраля 1988 г. он последний раз перешагнул порог своей мастерской. В это время они с Викторией готовили персональную выставку в Палане, ее открытие 9 февраля уже было посвящено его памяти.

6 февраля «санный поезд» из «Буранов» повез его в последний путь. Он похоронен (как и завещал) на Анадырке, где была их «хатка».

Мастерская. Утренний свет струится, освещая центральную стену. На ней: эскизы, этюды и... портрет Александра Ивановича Пироженко. Мягкая полутьма рисует внутреннее пространство комнаты: хорошо сложенный камин, деревянный стол, большую скамью, несколько стульев. Здесь все просто, но атмосфера в ней полна высокого смысла. На полках книги, бюсты, слепки, маски, многочисленные рабочие эскизы – все полнится творческой мыслью, сохраняет следы его сильных рук... Вдоль стен в мешках – гипс. В центре – скульптурный станок и уже почти оконченная в мягком материале и готовая к формовке скульптура «Победитель».

Когда Виктория Викторовна осталась одна, ей было особенно трудно, но она выстояла, не испугалась трудностей, не покинула Камчатку, не уехала, и работает творчески, продолжая дело, которое они начали вместе.

Она завершила работу А. Пироженко «Победитель» (прообраз – Е. Коптев). Это сложный, противоречивый образ – война растоптала человека, сделала его калеккой, но он – все тот же Победитель! И когда звучит марш, ему хочется в строй... Показана послевоенная судьба человека, испытывавшего все тяготы войны, пожертвовавшего собой ради мира, ради победы. Образ раскрывается еще более многопланово, если его рассматривать с разных точек зрения: при осмотре сверху вниз – ощущается душевный надлом, одиночество, но при взгляде снизу вверх, слева-направо – вдруг замечаешь, как тело словно наливаются, крепнет, в движении его поднятой, чуть запрокинутой назад головы – гордый победный вызов судьбе. При внимательном рассмотрении скульптуры «Победитель», чувствуешь, как напряжение то уменьшается, то возрастает, словно пульсирует нерв.

Виктория Крупина много и плодотворно работает. Она создала серию замечательных портретов северян и деятелей искусства: «Георгий Поротов», «Юрий Алотов», «Илья Солодяков» (исполнитель родовых мелодий), «Бабушка Екатерина Николаевна Шмагина с внучкой», удивительный по красоте и пластике парный портрет народного артиста РФ Иосифа Жукова и народной артистки РФ Татьяны Романовой, философскую композицию «У погасшего костра».

Она выполнила проект памятника ездовой нартовой собачьей упряжки для г. Петропавловска-Камчатского, с верой, что памятник одному из основных древнейших видов транспорта на Камчатке – необходим.

А совсем недавно она закончила свою новую диораму «Летняя рыбалка» (2012–2013 гг.) для краеведческого музея п. Тигиль, где запечатлела традиционные занятия коренных жителей Камчатки.

Виктория Викторовна Крупина – заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почетный житель п. Палана Камчатского края.

Произведения, созданные Викторией Крупиной и Александром Пироженко, находятся в фондах Камчатского краевого объединенного музея, Камчатского краевого художественного музея, Корякского окружного краеведческого музея, Портретной галереи «Скрижали Камчатки». Закупались работы дирекцией художественных выставок Союза художников РСФСР, Министерством культуры РСФСР – они по праву являются гордостью камчатской и российской культуры.

Художники создали и открыли для зрителя простой и ясный, понятный из глубины, суровый и прекрасный мир человека Севера, утверждая его внутреннюю силу и духовную чистоту.

1. Алюхин С. На полотнах – наш круг // Корякский коммунист. 1966. 9 сент.
2. Материалы и записи А. Черкашиной интервью с В. Крупиной и А. Пироженко в период подготовки их персональных выставок 1987 г. и 2010 г. в г. Петропавловске-Камчатском.

Иллюстрации к статье на CD. Фото И. Вайнштейна, А. Дьякова, С. В. Кардашевского, А. Ключникова, В. Кравченко.

Г. Н. Чуян, В. Е. Быкасов **ЦУНАМИ 1737 ГОДА НА ОСТРОВЕ БЕРИНГА**

В науке часто важно не то, кто был первым, а то, кто оказался последним.

Э. Чаргафф

Поводом для появления данной работы послужили полевые наблюдения Г. Н. Чуян, которая во время своих многолетних исследований процессов осадкообразования в прибрежной зоне о. Беринга обратила внимание на отсутствие следов цунами на высотах около 60 м (24). Что вызвало у нее недоумение, ибо вплоть до начала XXI в. считалось, что Г. В. Стеллер обнаружил в глубине острова, на высотах более 30 сажен (> 63,9 м), множество скелетов морских животных и большое количество плавника, занесенных туда волной 1737 г. И недоумение тем более понятное, что на некоторых морских террасах, высотой 8–10 м, ей иногда встречались полусгнившие древесные стволы (рис. 1), которые, пусть бы и с некоторой долей условности, можно было воспринимать в качестве маркеров цунами 1737 г. Во всяком случае, увязывать их появление на таких высотах с обычными для острова 5–6-метровыми (максимум 8–9-метровыми) нагонными волнами довольно проблематично. Ибо если бы штормовые волны более или менее регулярно закидывали бревна на такую высоту, то после 1737 г. на берегах острова их численность измерялось бы многими десятками. Однако даже на морских террасах и береговых валах высотой около 5–6 м стволы деревьев встречаются лишь единично, а скелеты морских животных и вовсе отсутствуют.

Заинтересовавшись этим несоответствием, Г. Н. Чуян предприняла поиски дополнительных сведений о цунами 1737 г., в ходе которых обнаружилось, что впервые мнение об отсутствии на 30-саженной высоте следов цунами 1737 г. высказал член-корреспондент Императорской Академии наук К. Т. Хлебников.

И в самом деле, будучи с 1818 по 1832 г. правителем Новоархангельской конторы Русско-Американской компании на о. Ситха и, одновременно, помощником пяти сменившихся за это время Главных правителей Русской Америки, К. Т. Хлебников объездил по служебным делам почти весь этот огромный регион. Вот и в июле 1827 г. он посетил с инспекторской проверкой о. Беринга. И попутно отметил, что заброшенных на высоту 30 сажен (180 футов, как он пишет) стволов деревьев и скелетов морских животных после Г. Стеллера никто на острове не примечал (16, с. 149). Хотя, подчеркнем, о полном уничтожении деревьев, а тем более – костей, за столь короткий срок речи быть не может. Во всяком случае, полвека и более спустя на побережьях острова было обнаружено несколько полных или почти полных скелетов морской коровы, хранящихся ныне в некоторых музеях мира.

Не примечалось никем скелетов и бревен на 30-саженной высоте и позднее. В том числе геологами, проводившими в середине XX в. на о. Беринга детальные геолого-съёмочные работы (2), биологами, десятилетиями осуществлявшими наблюдения за жизнью каланов и морских котиков (13), а также местными жителями, исходившими весь остров вдоль и поперек.

Таким образом, с оценкой высоты цунами 1737 г. на о. Беринга сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, вплоть до самого начала XXI в., почти во всех публикациях на эту тему фигурировала одна и та же – более 30 сажен над ур. м. – цифра. А с другой, в истории изучения природы острова не было отмечено ни одного достоверного факта обнаружения следов цунами на таковой, или, хотя бы, на вдвое меньшей высоте. Вследствие чего и возникает необходимость прояснения причин возникновения этой противоречивой ситуации.

В достижении этих целей мы обратились к литературным источникам (2, 8, 13, 19, 20, 21, 27–31). Анализ которых показал, что все отечественные исследователи и краеведы, говорившие и писавшие на тему цунами 1737 г. на о. Беринга, в своих представлениях исходили из данных знаменитого «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (7). И что сам С. П. Крашенинников,

описывая в своей книге природу Командорских островов, целиком и полностью опирался на данные, содержащиеся в материалах Г. Стеллера, ибо он на Командорских островах не был. Да и не мог быть, так как отбыл с Камчатки через неделю (12 июня 1741 г.) после начала (4 июня) плавания пакетботов Второй Камчатской экспедиции «Св. Петр» и «Св. Павел» к берегам Америки.

То есть, говоря иначе, С. П. Крашенинников всего лишь первым из ученых ввел в науку сведения своего старшего коллеги о природе Командор. А потому все последующие отечественные исследователи в своих представлениях о высоте цунами 1737 г. отталкивались, в конечном счете, от данных черновой рукописи «Дневника плавания с Берингом к берегам Америки. 1741–1742» (далее – «Дневник»), сочиненной Г. Стеллером в 1743 г. в Большерецке на основе путевых заметок. Так что причина появления завышенной оценки высоты цунами каким-то образом должна увязываться с данными этого «Дневника» и некоторых других рукописей Г. Стеллера. И это тем более верно, что все иностранные исследователи, говоря о цунами 1737 г. на о. Беринга, также пользовались, как будет показано ниже, данными, содержащимися в белой копии («списке») черновой рукописи названного «Дневника».

Исходя из этих представлений, а также опираясь на разработанную нами методологию ландшафтно-ситуационного анализа историко-географических событий, мы предположили, что 30-саженная оценка высоты цунами 1737 г. на о. Беринга (как, впрочем, и на юго-востоке Камчатки) появилась (могла появиться, пусть будет пока так) в результате подмены одной меры длины на другую, то есть подмены фута (foot, feet) на морскую сажень (faden или fathom – (11)), произошедшей, по нашему мнению (25), во время переписи набело черновой рукописи «Дневника». Потому что если кезде и всюду фигурирующей цифре 30 вместо означенных сажней и фатомов подставить фута, то высота цунами 1737 г. у берегов Камчатки станет более или менее соответствовать реальности.

Обоснование этой точки зрения и является целью данной работы, в которой на основе ландшафтно-ситуационного анализа событий 1737 г. осуществляется поиск пусть бы и косвенных, но вполне представительных свидетельств в пользу гипотезы о подмене одной меры длины другой. Что, по причине потери подлинной рукописи «Дневника» Г. В. Стеллера, является единственно возможным способом проверки данного представления.

АНАЛИЗ ИСХОДНОГО МАТЕРИАЛА

Командорские острова, открытые 5 (по ст. ст.) ноября 1741 г. экипажем пакетбота «Св. Петр», удалены от Камчатки на 97 морских миль (около 185 км). Архипелаг состоит из 2 крупных (Беринга и Медный) островов, разделенных проливом шириной 49 км, 2 небольших (Топорков и Арий Камень) островков и 11 мелких, вроде Бобровых Камней, скал-кекуров. Самым большим из них (площадь 1 200 км²) является о. Беринга, который в виде клина, шириной от 40 до 5–7 км и длиной до 90 км, протягивается с северо-запада на юго-восток. Площадь о-ва Медного, представляющего собой еще более узкую (60 км длиной и 7–8 км шириной) полоску суши, вытянутую параллельно о-ву Беринга, составляет всего лишь 220 км². Суммарная площадь всех остальных островков не достигает и 1 км² (2).

Впервые наиболее характерные особенности природы о-ва Беринга были отмечены Георгом Стеллером (20, 21, 27–31) и Свеном Вакселем (3, 15), который, кстати, при описании растительного и животного мира острова в основном пользовался, не указав при этом авторства, материалами Г. Стеллера. Что же касается цунами 1737 г. на о. Беринга, то именно Г. Стеллеру мы обязаны теми сведениями об этом проявлении стихии, которые вот уже более четверти тысячелетия фигурируют в научном арсенале. Так что появление завышенной – свыше 30 сажень (> 63,9 м) оценки, характеризующей высоту заплеска цунами 1737 г., действительно каким-то образом связано с самыми первичными материалами Г. Стеллера. Вот и попробуем с этим разобраться. И с этой целью обратимся к началу всей этой истории.

С самого первого дня плавания к Северной Америке Г. Стеллер начал вести подробное описание своего путешествия. И в 1743 г., пребывая в Большерецке, он, на основе этих материалов, написал черновой вариант «Дневника путешествия с Берингом к берегам Америки. 1741–1742». А когда его задержали по доносу в Сибири, то 18 августа 1746 г. он передал эту рукопись вместе с другими своими материалами адъютанту Академии наук И. Э. Фишеру, который и привез ее в Петербург (21, с. 13). С этого-то момента и начинаются злоключения подлинника.

Дело в том, что с рукописи, которая вплоть до 1769 г. находилась на хранении у И. Э. Фишера (21, с. 13), по правилам того времени была сделана так называемая белая копия («список») на немецком языке с дословным изложением первичного материала. Вернее сказать, с почти дослов-

ным, ибо, по нашему мнению, подлинный текст, написанный к тому же при крайне острой нужде в писчей бумаге, содержал в себе вполне обычные – в том числе и «f» или «ft» вместо «foot» (feet) – сокращения. Отчего переписчики, не зная истинной сути дела, в соответствующих местах вместо слова «foot» и написали слово «fathom» (морская сажень – (11)).

То есть, говоря иначе, во время переписи набело английские футы (30,48 см) сперва были заменены на английские фатомы (фадены) или морские сажени (1,83 м). А затем, при переводе этой белой копии на русский язык, английские сажени самым естественным образом трансформировались в русские сажени (2,13 м). За счет чего высота цунами с более или менее реальных 8–9 м сперва «выросла» до невероятных 55, а затем и вовсе до фантастических 64 м.

Что же касается участия во всем этом С. П. Крашенинникова, то тут ничего особого измышлять не приходится. Как известно, решением канцелярии Императорской Академии наук указанный перевод белой рукописи «Дневника», в числе других материалов Г. Стеллера, был передан С. П. Крашенинникову для работы над его «Описанием земли Камчатки». И именно отталкиваясь от находящихся в этом переводе сведений, С. П. Крашенинников написал тот самый абзац, на содержание которого ссылались все последующие исследователи и комментаторы его научного творчества, когда они говорили о цунами 1737 г. на о. Беринга:

«Прибылая вода самая большая случалась в начале Февраля при ветрах северо-западных, другое наводнение было в половине мая месяца от великих дождей и от снегов вдруг растаявших: однако помянутые наводнения были умеренные, в рассуждении тех, коим есть несомненные признаки; ибо в вышине 30 сажней и более (здесь и далее выделено нами. – *Авт.*) от поверхности моря есть много наносного лесу и целых скелетов морских зверей, по которым автор думает, что в 1737 году и здесь такое же было наводнение, как на Камчатке» (7, с. 186).

То есть, подчеркнем лишний раз, С. П. Крашенинников всего лишь добросовестно воспроизвел те данные о высоте цунами, которые содержались в переводе белой копии «Дневника» Г. Стеллера. А поскольку в последующем черновой вариант «Дневника» был утерян, и поскольку печатные труды Г. Стеллера на русском языке до конца XX в. практически не издавались, то вплоть до начала XXI в. отечественные исследователи, говорящие и пишущие на тему цунами 1737 г. на о. Беринга, в своих представлениях исходили из данных, приведенных С. П. Крашенинниковым.

О том, что таковая подмена футов на фатомы действительно имела место, говорит и дальнейшая судьба черновой рукописи Г. Стеллера. Дело в том, что в 1769 г. профессор натуральной истории Санкт-Петербургской Академии наук П. С. Паллас заказал сделать несколько копий с рукописи, хранящейся у И. Э. Фишера. И в 1793 г. версия «Дневника», созданная П. С. Палласом на основе одной из этих копий, с весьма произвольными поправками и изменениями была напечатана на немецком языке в Санкт-Петербурге (28). В том смысле с произвольными, что в целях «улучшения» слога Г. Стеллера П. С. Паллас практически полностью, как считает редактор русского переиздания «Journal of Voyage with Bering 1741–1742» А. К. Станюкович (21, с. 13), переписал первичный текст. Изрядно перетасовав, а то и вовсе опустив при этом некоторые подлинные фрагменты, а также добавив в него данные, взятые им либо из других трудов Г. Стеллера, либо свои собственные. И тем самым С. Паллас не просто попытался по-своему объяснить наиболее «темные» места из рукописи Г. Стеллера, а сознательно произвел своего рода цензуру первичного текста. Именно сознательно, поскольку почти одновременно эта же версия, и с этими же «исправлениями» и искажениями была издана С. Палласом и в Германии (29, 30).

Но коль скоро даже столь видный ученый сознательно переиначил первичные данные, то вряд ли после этого можно сомневаться в том, что обычные переписчики и переводчики также допустили разного рода искажения или исправления подлинных материалов. По крайней мере, тот же А. К. Станюкович в своих комментариях к «Дневнику» (21) неоднократно отмечал как факты перестановки местами отдельных листов копий «списка» рукописи Г. Стеллера, что, как минимум, приводило к путанице в датах, так и некоторые другие вольности с работой над этим текстом.

Впрочем, для нас в данном случае самым важным являются не «прегрешения» П. С. Палласа, а то, что он, так же, как и С. П. Крашенинников, воспринял за исходную меру длины не фут, а фатом. В чем лучше всего убеждает тот факт, что завышенная оценка землетрясения 1738 г. была повторена спустя почти сто лет в известном американском «Journal of Voyage with Bering 1741–1742» (31), вышедшем в издательстве Стенфордского университета США под редакцией О. У. Фроста.

«The greatest changes on this island result from earthquakes and high tides, and clear indications of vast inundations are evidenced by driftwood, whalebone, and entire sea cow skeletons washed up far inland and between the shore and the mountains. And from the age of the wood, I concluded very clearly

that, at the flooding that befell the Kamchatkan coast and the Kurile Islands in 1738 (ошибка, в 1737 г. – *B. B.*), the water on this island was also at a height of more than thirty fathoms. Not only entire trees that I encountered on mountains at such a height but also the sandspits and new hills deposited on the seashore close by, from which large trees stuck out still undecayed, testified to this flooding. Concerning the new hills which arose from the flooding, I thought it remarkable that, in their form, position, number of peaks and valleys, they conformed completely with the high mountains at whose feet they had recently been created» (31, p. 181–182).

Впрочем, ничего удивительного в этом нет, так как и это издание также было подготовлено на основе фотокопии одной из копий П. С. Палласа (так называемого варианта Голдера), изготовленных с черновой рукописи Г. Стеллера. По настоящему удивительно во всем этом то, что в напечатанной еще в 1781 г. работе Г. Стеллера «*Topographische und physikalische Beschreibung der Beringsinsel, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt*», в описании цунами 1737 г. на о. Беринга вместо футов также приводятся фатомы:

«Наибольшие изменения на острове (Беринга) могут проистекать от землетрясений и высоких морских приливов. Несомненными признаками могущественных наводнений служат занесенные высоко на берег или далеко по ущельям в глубь острова плавник, кости китов и целые скелеты морских коров. По возрасту плавника я мог заключить, довольно уверенно, что при наводнении 1738 г. (ошибка – на самом деле в 1737 г. – *Авт.*) у берегов Камчатки и Курильских островов вода захлестнула также остров Беринга на высоту свыше 30 саженей (Faden), о чем свидетельствовали не только целые деревья, которые я находил на утесах на такой высоте, но также и намытые водой недалеко от берега моря песчаные холмы и горы, из-под которых выдавались еще не сгнившие большие деревья» (27, p. 271–272).

Ко всему сказанному остается добавить, что в появившихся в конце прошлого века в нашей стране переводах с «*Journal of Voyage with Bering 1741–1742*» – «Дневник плавания с Берингом к берегам Америки. 1741–1742» (21), а также с его переиздания, осуществленного в ФРГ в 1990 г. Э. Кастином – «Последняя экспедиция Витуса Беринга» (20) вместо футов тоже фигурируют сажени. Но, разумеется, русские сажени. Например, в первом из обозначенных переизданий пишется:

«Крупные перемены на острове могут происходить в результате землетрясения и больших наводнений. Отчетливые следы крупных наводнений видны по занесенным далеко вглубь острова и в долины между гор плавнику, китовым костям и даже целым скелетам морской коровы. По возрасту древесных стволов, я мог совершенно однозначно заключить, что во время крупного наводнения, затронувшего побережье Камчатки и Курильские острова, уровень воды на острове превышал 30 саженей. Об этом свидетельствуют не только стволы деревьев, которые мне приходилось видеть на большой высоте, но и навороченные недалеко от берега кучи и горы песка, из под которых торчали хорошо сохранившиеся древесные стволы» (20, с. 118–119). Причем особо стоит отметить, что хотя составители и редакторы этого перевода, дабы избежать ошибки, саму дату события опустили, причину искажения даты все же следует увязывать с ошибкой в белой копии стеллеровской рукописи.

Итак, как можно видеть из всего сказанного, данные о высоте волны, приводимые в зарубежных источниках, практически полностью совпадают с данными, которые приводит С. П. Крашенинников. С той лишь разницей, что если в иностранных изданиях говорится об английских (морских) саженях, то в «Описании земли Камчатки» – о русских. И это лишний раз свидетельствует о том, что ошибочные сведения о высоте цунами принадлежат не С. П. Крашенинникову, а переписчикам черновики Г. Стеллера.

Кстати, поскольку во всех иностранных и переводных версиях «Дневника» время подхода цунами к о. Беринга датируется 1738 г., то это говорит о том, что при подготовке к печати зарубежных изданий привлекались именно копии черновых материалов Г. Стеллера, а не данные С. П. Крашенинникова, который, испытав на себе силу афтершоков землетрясения 1737 г., знал о времени проявления описываемых им событий не понаслышке. А потому и исправил содержащуюся в переводе белой копии неверную дату прихода цунами к берегам о. Беринга на подлинную.

Таким образом, скажем окончательно, все известные нам переиздания «Дневника» Г. Стеллера по сути дела являются всего лишь «кальками» той белой рукописи, которой пользовался автор «Описания земли Камчатки». Отчего во всех этих вторичных источниках информации и повторяется одна и та же – фатомы вместо футов – ошибка. И в этом свете скорее следует удивляться не появлению ненамеренных и преднамеренных искажений, а тому, что на указанные выше несуразности с футами, фатомами и сажнями никто, включая самого С. П. Крашенинникова, внимания до сих пор не обращал.

Более того, вплоть до середины XX в. данные о 30-саженной высоте цунами 1737 г. на Северных Курильских островах, юго-востоке Камчатки и о. Беринга вообще не подвергались ни малейшему сомнению. Лишь только в самом начале 50-х гг. прошлого столетия известный советский вулканолог А. Е. Святловский (18), исследуя последствия мощного цунами, произошедшего на юго-востоке Камчатки и Северных Курильских островах 5 ноября 1952 г., высказал мнение о том, что 30-саженной высоты цунами 1737 г. во Втором Курильском проливе быть не могло. Однако это мнение практически осталось без внимания. Как осталась без особого внимания и попытка сейсмологов С. А. Соловьева и М. Д. Ферчева (19) пересмотреть оценку высоты цунами 1737 г.

И в самом деле, спустя 12 лет после переиздания в 1949 г. «Описания земли Камчатки» с комментариями и добавлениями (с рапортами и письмами то есть), С. Л. Соловьев и М. Д. Ферчев в своей «Сводке данных о цунами в СССР» отметили, что до этого в сейсмологической литературе использовались только и только данные основного текста «Описания земли Камчатки» (19). Более того, они подчеркнули, что в самой книге приводится менее детальное и менее конкретизированное описание событий 1737 г., чем в «Пятом рапорте...», в котором содержатся гораздо более правдоподобные оценки высот цунами. И на основании этого обобщения они пришли к выводу о том, что приводимая в основном тексте «Описания...» 30-саженная высота цунами 6 октября 1737 г. должна быть занижена вдвое.

Однако, сказав «а», С. Л. Соловьев и М. Д. Ферчев не сказали «б». То есть, предложив снизить высоту цунами с 30 сажен до 30 м, они молчаливо согласились с тем, что 15-саженная волна обрушилась не только на Северные Курильские острова и крайний юго-восток Камчатки, но и на районы побережий Авачинской губы, Халактырского пляжа и даже на побережье о. Беринга.

Вот что пишет по этому последнему случаю камчатский цунамиевед Ю. А. Заякин:

«Четыре года спустя после описываемого события Г. В. Стеллер на острове Беринга на высоте 60 м обнаружил плавник, кости китов, скелеты морских коров и другие предметы, занесенные морем. Недалеко от берега из-под намытых песчаных холмов торчали еще не сгнившие стволы и ветки больших деревьев. Он сделал заключение, что это были следы цунами 17 октября 1737 г. Исследователи 60-х гг. текущего столетия дают более правдоподобную оценку явления на о. Беринга, по их мнению, высота подъема воды здесь не превышала 30 м (Соловьев С. Л., Ферчев М. Д. Бюллетень совета по сейсмологии АН СССР, 1961). Зона проникновения цунами в глубь суши до высотной отметки 30 м показана на рис. 2.2. Возможно, были затоплены долина реки Каменка (до 4 км от устья), долины рр. Гаванской и Лодыгинской, оз. Гаванское, Лодыгинское, Шангинское» (4, 5).

Но это означает, что С. Л. Соловьев и М. Д. Ферчев снизили высоту цунами не на основе тщательного изучения конкретной ландшафтной ситуации мест происходящих событий, а всего лишь в результате беглой ревизии данных, содержащихся в «Описании земли Камчатки» и в «Пятом рапорте И. Гмелину и Г. Миллеру» С. П. Крашенинникова. Именно беглой, так как они при этом совершенно не придали значения тому, что при высоте цунами в 30 м Гаванское, Лодыгинское и Шангинское озера, равно как и долины вытекающих из них рек, были бы заполнены океанской водой и влекомым ею материалом.

Недооценил значимость ландшафтной обстановки при реконструкции реальных событий на острове Беринга и ссылающийся на их мнение А. Ю. Заякин. Более того, вполне квалифицировано смоделировав процесс возможного затопления части территории острова при высоте волны в 30 м, он при этом совершенно не обратил внимания на то, что Г. Стеллер, подробно описавший оз. Гаванское и вытекающую из него реку, ни разу не упомянул о сколько-нибудь заметных следах таковой вот «вселенской» катастрофы. Да и не мог упомянуть. И вот почему.

В настоящее время землетрясение 17 (6) октября 1737 г. принято считать аналогом землетрясения 5 ноября 1952 г. как по размерам и расположению его очага, так и по силе проявления (6, 17, 19, 22). И, следовательно, столь же аналогичными, в том числе и по высоте, можно (и должно) считать и образовавшиеся в обоих случаях цунами.

Но в 1952 г. высота цунами в бух. Жировой достигала 8–10 м, на входе в Авачинскую губу она была не более 7–8 м (а по некоторым данным – не более 5 м), в районе устья р. Жупановой – около 5 м, а на о. Беринга – всего лишь 2 м (1, 4, 5, 17–19). Правда, не исключено, что в отдельных бухтах острова (Бобровой и Серебрянникова, например) высота заплесков вполне могла возрастать раза в два-три. Однако и в этих случаях их максимальные высоты вряд ли превышали 5–6 м. Ибо, например, в широкой долине р. Лисинской, которая отделена от одноименной обширной и глубокой бухты серией береговых валов высотой 5–7 м над ур. м., видимых следов цунами 1952 г. (как, впро-

чем, и цунами 1737 г.) не обнаруживается. Так что, судя по аналогии, высота цунами 1737 г. вряд ли превышала 2–3, максимум – 5–6 м.

В пользу этого нашего вывода говорит и то, что во время землетрясения 13 апреля 1923 г. в Камчатском заливе высота цунами в узкой, зажатой между гор, долине Первой речки (60 км к югу от устья р. Камчатки и 100 км от эпицентра землетрясения) достигала 20 м; на равнинном участке устья р. Камчатки (160 км от эпицентра) она не превышала 10–11 м, а в районе с. Никольского (200 км от эпицентра) – 4 м (17, с. 44). Да и то лишь потому, что на ее пути встал входной мыс бухты Никольской. Но раз так, то вряд ли приходится сомневаться в том, что в 1737 г. волна, высота которой возле берегов Авачинской губы не превышала, как уже говорилось, 7–9 м, преодолев в 2,5 раза большее расстояние, чем во время цунами 1923 г., была выше 2–3. И разве что только в отдельных бухтах юго-восточной части острова она достигала 5–6 м.

Таким образом, все сказанное подтверждает наше представление о том, что появление завышенной оценки высоты цунами 1737 г. на о. Беринга было связано с подменой мер длины в копиях рукописи «Дневника» Г. Стеллера, а вовсе не с ошибками в его подлинных материалах. И это представление правомерно тем более, что Г. Стеллеру, как исследователю, были присущи исключительная внимательность при проведении полевых наблюдений, предельная дотошность в описании приводимых им фактов и редкостная широта воззрений, позволяющая ему верно оценивать результаты своих полевых наблюдений. О чем, в частности, убедительно свидетельствует его собственная оценка произведенных им ботанических изысканий на о. Беринга:

«Что касается растительности, то за время моего десятимесячного пребывания на острове, на котором я провел большую часть лета и который я обошел вдоль и поперек, я смог обнаружить не более 211 видов растений, из которых 100 роднит этот остров не только с Сибирью, но и гористыми странами Европы. Остальные растения частично встречаются на востоке Сибири, по меньшей мере в горах и в окрестностях Охотска, а также на Камчатке. Среди последних можно заметить растения, сближающие между собой Камчатку и Америку. Поскольку их не найти в глубине Сибири, можно предположить, что эти растения американского происхождения. На мысе Св. Ильи мне удалось собрать немало растений, которые редко встречаются как на о. Беринга, так и на Камчатке» (20, с. 132).

То есть, как можно видеть, всего лишь за одну зиму и неполное лето Г. Стеллер не просто отыскал и описал на острове 211 видов растений (для обнаружения еще 200 с небольшим видов всем последующим исследователям потребовалось 250 лет), но и практически безупречно сопоставил флору Командор с флорами Америки, Азии и даже Европы. И это при том, что ему постоянно приходилось отвлекаться на лечение больных, приготовление пищи, заготовку дров и добычу еды, а также на прочие повседневные дела, включая разборку пакетбота «Св. Петр» и посильную помощь в строительстве нового судна.

Кстати, не лишне будет подметить по этому поводу, что одни комментаторы, оценивая эту часть деятельности Г. Стеллера, говорят о 213, 216 и даже о 218 (9) и 224 (12) видах растений, якобы обнаруженных Г. Стеллером на острове. А другие, наоборот, долгое время, считали, что на острове вообще имеется не более 185–200 видов растений. И лишь в последней четверти XX в., когда было установлено наличие на острове более 400 видов растений, стало окончательно ясно, что Г. Стеллер отнюдь не преувеличивал своих заслуг. Подчеркивать же это приходится потому, что со стороны некоторых исследователей нередко высказывались сомнения в достоверности не только его исторических или геологических, но и ботанических изысканий.

Но вернемся к самому цунами. Как было показано выше, оценка высоты этого цунами в 30 сажен (фаденов, фатомов) совершенно не соответствует реальности. И все же для того, чтобы окончательно расставить все точки над *i*, еще раз пройдемся по литературным источникам ради проведения буквально дословного анализа текстов некоторых из перечисленных выше работ. Преследуя при этом целью обнаружение случаев подобного же рода несовпадения параметров отдельных природных объектов с реальностью. Ибо, считаем, в отсутствии подлинника «Дневника» таковые неверные оценки могут послужить достаточно весомыми доказательствами в пользу предположения об искажении первичных данных при переписи черновых материалов Г. Стеллера. И, надо сказать, таковые неверные оценки были обнаружены.

Так, например, говоря о высоте гор о. Беринга, С. П. Крашенинников, опираясь на данные перевода «списка» черновой рукописи Г. Стеллера, пишет: «Самые высокие тамошние горы не выше двух верст в перпендикуле» (7, с. 183). То есть около 2 км, если вспомнить, что одна верста равна 500 сажням или 1,0668 км.

Эта же оценка повторяется и в материалах современных исследователей научного наследия

Г. Стеллера. В том же, например, «Journal of a Voyage with Bering. 1741–1742», как и в его последующих переизданиях на немецком и русском языках, написано, что наибольшая высота гор о. Беринга не превышает 1000 фатомов (31, р. 173). А поскольку фатом равен 6 футам или 182,88 см (1 фут = 30,48 см), то и в этом случае высота островных гор также получается близкой к 2 км.

На самом же деле максимальная высота гор о. Беринга (г. Стеллера) составляет всего лишь 751 м (2, с. 647), а средняя – 350–400 м. И эта почти трехкратная разница между оценками высот поневоле побуждает задуматься над причиной ее возникновения.

Сразу же скажем, что к данному завышению высоты Г. Стеллер непричастен. Хотя бы потому, что, увидев с моря горный массив Святого Ильи (Северо-Западная Америка, высота 5 520 м), он однозначно заметил: «Я не помню, чтобы мне доводилось видеть более высокий хребет во всей Сибири или на Камчатке» (20, с. 35). Из чего следует, что завысить высоту гор о. Беринга почти в три раза он никак не мог. Тем более не мог, что многие из этих гор он, что называется, «измерил собственными ногами». И потому единственно приемлемым объяснением этой ситуации является признание того факта, что при переписке рукописи дневника Г. Стеллера действительно произошла подмена слова «foot» на слово fathom (сажень). Ибо стоит только вместо слова фатом подставить слово фут, как все сразу же встает на свои места, и высота гор о. Беринга станет соответствовать действительности – то есть 350–400 м, в среднем.

Аналогичная ситуация наблюдается и при описании рек острова:

«Из минеральных вещей, которые на объявленном острове находятся, знатнейшими могут почитаться изрядные воды. Которые в рассуждении чистоты своей и легкости весьма здоровы; и сие их действие примечено на больших с пользой и желаемым удовольствием. Что же касается до их изобилия, то нет такой долины, по которой бы не текла речка, а всех их числом более шестидесяти, между которыми есть и такие, кои шириной от 8 до 12, а глубиной в прибылую воду до двух, а иная и до 5 сажен. Однако таких немного, но большая часть на устьях чрезмерно мелки: для того, что от крутого наклона долин имеют они весьма быстрое течение, и близ моря разделяются на многие протоки», – пишет по этому поводу С. П. Крашенинников (8, с. 139).

То есть, как можно видеть, ширина и, особенно, глубина самых крупных рек острова в изложении С. П. Крашенинникова достигают более чем значительных величин: 16–24 и 4–10 м, соответственно. Что абсолютно не отвечает реальности, ибо даже у очень многоводной Невы глубины в устьевой ее части редко достигают 4–6 м.

Более того, говоря о р. Гаванке, С. П. Крашенинников уточняет: «...а в самом мысу течет речка, которая всех речек того острова больше. И в прибылую воду глубиной бывает до семи футов. Она течет из великого озера, которое от устья ее версте в полуторе» (8, с. 185). То есть глубина этой самой многоводной реки острова даже во время приливов едва достигает 2 м. И точно такие же (6–7 футов или 1,8–2,1 м) данные о глубине этой реки, а также о глубинах (от 2 до 5 фатомов) остальных рек острова приводятся и в уже упоминаемом американском переиздании стеллеровского дневника:

«In the bend itself is the mouth of a small river, which is the largest of all on this island .and high tide in six to seven feet deep at its mouth. This river leads into the largest lake on this islands and becomes ever deeper from the sea to the lake, so that without much trouble one can reach the lake one and a half versts away from the sea through the river and remain there safely since the lake is surrounded on all sides by steep cliffs like walls that protest against all winds» (31, р. 178).

То есть, как можно видеть, и в этом случае также отмечается явное расхождение вторичных данных с реальностью. Ибо на самом деле подлинная ширина русел абсолютного большинства рек острова составляет всего лишь 1–3 м в их средней, и около 5–8 м в устьевой части, где они растекаются по пляжу (13, с. 27). А их глубины если и достигают 1–1,5 м, то лишь в отдельных омутах, да в самых нижних частях русел, подпираемых морскими кошками (13, с. 27).

Что же касается р. Гаванки, то в среднем ее течении глубины действительно могут достигать 1,5–2,0 м. Однако это определяется не столько величиной (водностью) реки, сколько тем, что, протекая в тундрово-болотных отложениях прибрежно-морской равнины, она приобретает черты «кююла». То есть весьма специфического для Северо-Востока Азии водотока (от корякско-чукотского «кююл», «кюуль» – глубокая вода), обладающего очень медленным течением, невысокими, но крутыми (до вертикальных и даже до отрицательных) торфяными берегами и глубоким (относительно его ширины) руслом. В устьевой же ее части означенные глубины наблюдаются лишь во время прилива, что и отмечает Г. Стеллер.

Но коль скоро так, то резонно напрашивается вывод о том, что С. П. Крашенинников и

О. У. Фрост попросту не придали значения невнятице с единицами измерения (в случае с р. Гаванкой – футы, а в случае с другими реками – сажени и фатомы), характеризующих глубину и ширину речных русел. Хотя, зная размеры и конфигурацию самого острова, особенности его гидрографической сети (поперечное течение рек), а отсюда и подлинные (малые) длину, ширину и глубину тамошних рек, вполне можно было обратить внимание на несоответствие указанных показателей реальной гидрографической обстановке.

Не обратили они внимания и на факт измерения глубины устья просто огромной (700-километровой), по сравнению с реками о. Беринга, р. Камчатки, произведенного в 1740 г. штурманом В. А. Хметевским: «А отправленный де от него, Елагина, штурман Василей Хметевской устье реки Камчатки вымеривал, которое де явилось по ево мере глубиною 7,5 футов, точию за таким маловодством построюющимися для нашего вояжа пакетботами во оное устье войти невозможно, ибо оныя пакетботы, когда бывают в полном грузу, тогда свободной имеют ход на 9 и на 9,5 футов» (14, с. 14). А ведь этот факт однозначно ставит под сомнение правомерность мер длины, используемых в копиях и переложениях «Дневника», а не данные самого Г. Стеллера.

Таким образом, и при определении глубины и ширины рек о. Беринга также обнаруживаются более чем явные расхождения с природной обстановкой. Причем опять же необходимо подчеркнуть, что указанные разночтения относятся не к приводимым цифрам, а к используемым при этом мерам длины. Поскольку стоит только к исходным цифрам подставить футы, как глубина и ширина рек острова станут полностью соответствовать действительности.

Однако и это еще далеко не последний случай подмены футов на фатомы, допущенной при интерпретации черновых материалов Г. Стеллера. Вот что, например, пишется в «Journal of a Voyage with Bering, 1741–1742» о снегопаде, случившемся на острове в самом начале апреля 1742 года:

«On April, constable Roselius, assistant surgeon Betge, guard marine Sint, and a cossak left our dwelling as usual for a promysel. Toward evening such a violent storm came out of the northwest that no one could stay on his feet or see a step ahead. Moreover, the snow fell a fathom deep during the night, and we did not recall having experienced a more violent storm since our arrival on this island» (Steller, 1988, p. 152). О снеге в сажень глубиной, выпавшем всего за одну ночь с первого на второе апреля 1742 года, говорится и в русском переводе переиздания этого варианта «Дневника» (21, с. 126).

Однако такой высоты снежный покров на острове достигает только ближе к концу зимы. Что, собственно, отметил и сам Г. Стеллер: «Обилие снега здесь такое же, как и на Камчатке. На равнинах его глубина достигает полутора сажени» (20, с. 118). Причем одновременное – в течение полусуток или суток – выпадение снега мощностью около одного фута (30–35 см) происходит на острове далеко не каждый год. Так что и в этом случае составители и редакторы переизданий стеллеровского «Дневника» не сумели сопоставить приписываемые Г. Стеллеру ошибочные сведения с реальными природными условиями острова.

Ну и наконец, под занавес, не грех будет привести еще один, хотя и несколько курьезный, пример подмены одной меры длины другой, связанный на этот раз с анатомическим строением морской коровы. И в самом деле, во всех изданиях и переизданиях «Дневника» утверждается, что при длине этих животных в 4–5 фатомов (8–10 м), фаллос самцов достигает почти сажени длины (20, с. 129; 21, с. 139; 31, р. 160–161). Однако если принять это суждение на веру, то получается, во-первых, что длина полового органа самца практически равна половине длины его туловища, так как голова и хвост этого животного, в совокупности, составляют не менее половины общей длины его тела. К тому же, во-вторых, матка самок «капустницы» при этом должна была бы располагаться в районе пищевода. Так что и в этом случае вряд ли можно сомневаться в том, что в оригинале (черновике) Г. Стеллера вместо фатомы (морской сажени) также фигурировал фут.

Таким образом, проведенный нами анализ описаний отдельных компонентов природы о. Беринга, составленных на основе данных белой копии чернового «Дневника» Г. Стеллера, убедительно свидетельствуют о том, что в этих вторичных описаниях содержатся, по крайней мере, пять одинаковых случаев искажения реальных данных. В том смысле одинаковых, что во всех этих случаях разночтения возникают не по поводу приводимых цифр, а относительно используемых мер длины. А потому, согласно неписаному правилу (раз – случайность, два – тенденция, три – закономерность, четыре – закон), остается лишь признать, что такое завышение могло произойти только и только в результате подмены футов на фатомы, допущенной при переписи набело черновой рукописи стеллеровского «Дневника».

Но могла ли произойти такая подмена в принципе – зададим этот вопрос еще раз? Вполне. Ибо от ошибок не застрахован никто. Более того, ошибки в оценке работ своих предшественников,

и, порой, просто необъяснимые, совершают даже самые выдающиеся исследователи. Например, в свое время академик Л. С. Берг в примечании к «Описанию Земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, касающемся самой крупной – Гаванка – реки о. Беринга, написал: «Острова у озера Саранного нет, за остров Стеллер, очевидно, принял часть острова Беринга к востоку от озера Саранного» (7, с. 185).

Однако сам Г. Стеллер, говорил совершенно иное и совершенно об ином:

«Сие последнее место весьма приметно с моря, ибо земля там поворачивает к западу, а в самом мысу течет речка, которая всех речек того острова больше. И в прибылую воду глубиною бывает до семи футов. Она течет из великого озера, которое от устья его верстах в полуторе. И понеже речка чем далее от моря, тем глубже, то и судами до озера ходить по ней способно, а на озере отстой безопасной: ибо оно окружено каменными горами, как оградой, и прикрыто от всех ветров. Главная примета, по чему сию речку с моря узнавать можно, есть остров, которой в окружности верст на 7, и лежит в южной стороне от устья речки расстоянием на семь верст: берег оттуда к западу песчан и низмен на пять верст: около берегов нет под водою камня, а оное можно потому знать, что там буруну не бывает» (7, с. 185).

То есть и сам Г. Стеллер, и буква в букву переписавший его С. П. Крашенинников, в данном случае имели в виду оз. Гаванское, из которого вытекает самая большая (по водности) река острова – Гаванка, к югу от устья которой располагается о. Топорков. Так что и в этом случае ошибся не Г. Стеллер, а Л. С. Берг, хотя в его распоряжении уже были достаточно точные карты морских побережий о. Беринга. И в свете столь странной (если не сказать – нелепой) ошибки, допущенной одним из самых выдающихся географов мира XX в., удивляться появлению искажений в белой копии рукописи «Дневника» Г. Стеллера, допущенных людьми мало, а чаще и вовсе несведущими в географии вообще, и в географии о. Беринга – в особенности не приходится.

Такие вот обстоятельства скрываются за обыденными (а, вернее, за кажущимися таковыми) фактами описания природы и цунами 1737 г. на о. Беринга. Понятно, конечно же, что из-за отсутствия первичной информации вся система доказательств в пользу этого нашего утверждения могла быть выстроена нами лишь на основе косвенных данных. В том числе и на основе анализа таковых природных особенностей о. Беринга, при характеристике которых была допущена подобная же подмена футов на фатомы. И потому это наше предположение нуждается в дополнительном подтверждении.

Другое дело, что осуществить это не так-то и просто. Ибо черновой оригинал «Дневника» исчез, и, скорее всего, безвозвратно. А его копия, обнаруженная в 1910-х гг. американским историком Фрэнком А. Голдером в петербургском Архиве Российской Академии наук, служить эталонным источником первичных данных не может. Поскольку в ней, как уже не раз говорилось, вместо футов также приводятся фатомы.

И действительно, в 1917 г. Ф. Голдер передал фотокопию найденной им в русских архивах копии черновика в Библиотеку Конгресса США. А в 1988 г., на основе этой фотокопии («варианта Голдера»), состоящей из 221 страницы рукописного текста, в издательстве Стенфордского университета США был напечатан уже упоминаемый английский перевод «Дневника» под редакцией и с комментариями профессора О. У. Фроста (31), которым при подготовке текста к печати были выявлены и устранены наиболее очевидные ошибки переписчиков XVIII в. Однако интересующая нас оценка высоты волны цунами 1737 г. в фатомы так и осталась неисправленной.

А ведь стоило, скажем, в который уже раз вместо фатомов поставить футы, как все сразу же встало бы на свои места. Однако, похоже, эта простая мысль за четверть тысячелетия никому в голову так и не пришла, ибо завышенные оценки высоты цунами 1737 г. и до сих пор воспринимаются историками, географами и краеведами за истину в первой инстанции.

Тем не менее, за отсутствием черновой рукописи «Дневника», этот наш вывод о подмене футов на фатомы нуждается в дополнительном обосновании, одним из способов которого могло бы стать обнаружение первичных сведений в других черновых рукописях Г. Стеллера. Другое дело, что вследствие отдаленности от архивов и, главное, по причине практической недоступности хранящихся там материалов, объявленных собственностью этих самых архивов, мы подступиться к ним не смогли. Так что остается лишь выразить надежду на то, что в будущем все же найдутся исследователи, у которых окажется и желание и возможности разобраться с этими первичными материалами.

Таким образом, говоря окончательно, результаты данных литературных источников и ландшафтно-ситуационного анализа, проведенного нами на основе собственных полевых исследований разных лет, свидетельствуют о том, что высота волны 1737 г. если и могла достичь 5–6 м, то только

в отдельных (Щипицина, Бобровой, Серебрянникова) бухтах. Да и то лишь потому, что в районах этих бухт к берегам острова причленяется достаточно широкий (до 3–5) и мелководный (то есть частично осушаемый во время отлива) бенч, достигнув которого волна резко замедлила свое движение и столь же резко вздыбилась по высоте. Тогда как, например, в широкой и глубокой бух. Лисинской, на входе которой бенч как таковой отсутствует полностью, высота волны, судя по отсутствию видимых следов цунами в долине р. Лисинской, не превышала 5–6 м. То есть в этом случае передний фронт волны, беспрепятственно достигнув берегового вала, отразился от него и тем самым погасил натиск основной водной массы.

Однако если признать высоту этого цунами равной 2–3 (не выше 5–6) м, то становится непонятным, каким образом и откуда в черновой рукописи Г. Стеллера могла взяться оценка в 30 футов (8–9 м). На наш взгляд, ее появление связано с существованием наносных бугров, приуроченных к прибрежным участкам некоторых речных долин тихоокеанского побережья острова, высоты которых в бухтах, расположенных западнее бух. Лисинская, Голодная и Перешеек, действительно достигают 8–10 м. Правда, в бух. Серебрянникова и Бобровая высоты таких бугров достигают 12–13 и даже 15–18 м. Однако никто из экипажа «Св. Петра» в этих бухтах в виду их удаленности и труднодоступности не бывал, а потому их высота и не нашла своего отражения в рукописи Г. Стеллера.

Но в таком случае возникает закономерный вопрос: каким образом и когда образовались эти бугры? Согласно мнению Г. Стеллера, их образование произошло в результате сброса наносов цунами (см. выше). И это представление натуралиста XVIII в. о генезисе таких бугров не противоречит взглядам современных исследователей. Другое дело, привязка времени их формирования к 1737 г. Ибо если признать, что высота цунами 1737 г. не превышала 2–3, максимум 5–6, м, то образование наносных бугров в 8–10, а тем более в 15–18 м при таких высотах волны просто невозможно.

И в самом деле, ландшафтно-ситуационный анализ мест событий побуждает увязывать образование огромных (от 8–10 до 15–18 м высотой) береговых валов, располагающихся в изголовии большинства бухт тихоокеанского побережья, со сбросом донных осадков цунами при резком торможении волны в момент ее столкновения с сушей. То есть, говоря иначе, скорее всего, большинство таких валов являются не дюнами в привычном для нас понимании, а нагромождением донного материала, прихваченного цунами с бенча и переотложенного на самом краю выходящих к океанскому берегу речных долин. Ибо, во-первых, к чисто эоловым образованиям можно отнести разве что только бугры (в том числе и дону возле пос. Никольского), расположенные на низменных берегах юго-западной и западной частях побережья острова. Ибо, во-вторых, на противоположном, беринговоморском берегу такие бугры отсутствуют, хотя ширина и длина пляжей и прибрежных террас здесь неизмеримо большие, чем на тихоокеанском побережье острова, а потому ветру тут было где разгуляться. Ибо, в-третьих, даже в широкой долине р. Лисинской, отгороженной от одноименной бухты невысоким (5–7 м) береговым валом, который возвышается над днищем долины всего на 1–1,5 м и потому не может препятствовать ветру переносить песок, ничего похожего даже на зачатки дюн нет. Что, впрочем, и понятно, так как на всех пляжах тихоокеанского побережья просто нет достаточных для образования столь мощных бугров объемов песка. И, наконец, в-четвертых, если поверхность приморских террас беринговоморского побережья имеет довольно мощный и хорошо выраженный дерновый горизонт, свидетельствующий об относительно древнем образовании этих террас, то на поверхности береговых валов бухт Бобровой, Серебрянникова и некоторых других дернового слоя как такового практически нет, что говорит о молодости данных форм рельефа.

Но коль скоро причиной происхождения таких бугров является резкая разгрузка наносов цунами на узкой прибрежной полосе суши, то в этом случае привязка их образования к цунами 1737 г. вызывает сомнение, так как высоты этого цунами на тихоокеанском побережье острова были слишком малы (см. выше) для того, чтобы могли возникнуть наносные бугры высотой до 15–18 м. Так что, не исключено, эти бугры могли быть сформированы либо во время февральского землетрясения 1742 г., произошедшего напротив острова на северной стороне Алеутского глубоководного желоба, либо несколько ранее. Принимая, конечно, при этом во внимание тот факт, что высота цунами определяется не столько мощностью породившего его землетрясения, сколько рядом приводящих и сопутствующих обстоятельств. Не говоря уже о том, что мощные по высоте, хотя и локальные по масштабам проявления, цунами могут образовываться в результате подводных оползней, столь свойственных для крутых северных склонов Алеутского и Курило-Камчатского глубоководных желобов.

Понятно, конечно же, в отсутствии данных целенаправленных полевых наблюдений, эти наши представления имеет сугубо предположительный характер. Но и умолчать о них было бы не-

гоже, поскольку недоказанность самого предположения отнюдь не означает невозможности его реального проявления.

Впрочем, в некоторой степени доказательством этого нашего представления могут служить данные палеосейсмологической реконструкции, проведенной сотрудниками Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН и их коллегами из других стран, в ходе которой выяснилось, что максимальная высота заплесков голоценовых цунами на о. Беринга не превышала 8–10 м (26). И что следы цунами на высотах в 60 м над ур. м. отсутствуют полностью (6).

Правда, при этом по-прежнему остается неясным, почему в бух. Серебрянникова и Бобовая высоты бугров оказываются вдвое, без малого, большими. Однако, если знать, что вывод палеосейсмологов базируется на данных, полученных для западной части островного побережья, то их мнение о максимальной высоте цунами в 8–10 м следует принимать с поправкой на то, что в некоторых бухтах юго-восточной части тихоокеанского побережья острова высоты цунами, образующиеся при землетрясениях, происходящих на северном склоне Алеутского глубоководного желоба напротив о. Беринга или неподалеку от него к востоку, вполне могли достигать и значительно большей, до 15–18 м, высоты.

Таковые вот представления и суждения возникли у нас в связи с формированием огромных наносных бугров в изголовии бухт тихоокеанского побережья о. Беринга. Ну а то, что Г. Стеллер связал их образование с землетрясением 1737 г., по-человечески вполне понятно, ибо таковая взаимосвязь, в виду практически полной неизученности на то время процессов формирования цунами, напрашивается, что называется, сама по себе.

Итак, проведенный нами ландшафтно-ситуационный анализ событий, связанных с цунами 1737 г. на о. Беринга, а также пристрастный и целенаправленный обзор литературы, посвященной этой теме, показывают, что все наши предшественники не критически использовали данные С. П. Крашенинникова о высоте цунами 1737 г. на о. Беринга.

Этот же анализ показывает, что во всех известных нам изданиях «Дневника» Г. Стеллера имеется, по крайней мере, еще четыре случая подобного же рода искажений первичной количественной информации, первопричиной которой так же, как и в случае с цунами, оказалась подмена футов на фатомы, совершенная при переписке черновой рукописи «Дневника» Г. Стеллера.

Исходя из этого, а также опираясь на результаты ландшафтно-ситуационного анализа природной обстановки о. Беринга, нами предлагается считать высоту цунами 1737 г., подошедшей к берегам острова равной 2–3 м, а максимальную высоту его заплесков в отдельных бухтах юго-восточной части тихоокеанского побережья – не более 5–6 м.

Что же касается высоты волны в 30 футов (8–9 м), указанной Г. Стеллером, то, вероятнее всего, эту оценку следует увязывать с землетрясением и цунами, произошедшими либо незадолго до 1737 г., либо, не исключено, в феврале 1742 г.

Вполне понятно, что в отсутствии прямых доказательств эти наши представления о причине появления ошибочных данных в анализируемых источниках имеют, скорее, предположительный, нежели строго доказательный характер. Однако, как представляется, уже сама по себе постановка проблемы о подмене одной меры длины другой не только заслуживает внимания, но и полностью оправдывает затраченные усилия. Ну хотя бы потому, что обнаруженные при этом несоответствия между приводимыми в многочисленной вторичной литературе размерными параметрами гор, рек и цунами, с одной стороны, и реальными характеристикам названных объектов, процессов и явлений – с другой, не только привлекут внимание специалистов и краеведов, но и убергут их от повторения неточных сведений. Тем более, что не критическое отношение к используемым данным прослеживается и по отношению к оценке высоты цунами 1737 г., обрушившегося на берега Северных Курильских островов и юго-восточное побережье Камчатки. Впрочем, это уже тема иного и специального разговора.

1. Бабков А. И., Кошечкин Б. И. Цунами. Л.: Гидрометеиздат, 1964. 49 с.
2. Геология СССР. Камчатка, Курильские и Командорские острова. Т. XXXI. Ч. 1. М.: Недра, 1964. 734 с.
3. Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М.: Главсевморпуть, 1940. 175 с.
4. Заякин Ю. А. Цунами на Дальнем Востоке России. Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1996. 88 с.
5. Каталог цунами на Камчатке / сост. Ю. А. Заякин, А. А. Лучинина; ред. В. И. Коробков. Обнинск: ВНИИГМИ-МЦД, 1987. 51 с.
6. Кравчуновская Е. А. и др. Сравнительная характеристика параметров цунами 1737 и 1952 гг. на по-

луострове Камчатка и Курильских островах по палеосейсмическим данным // Динамические процессы в шельфовой зоне, опасные метеорологические явления. Сборник материалов III Сахалинской молодежной научной школы. 3–6 июня 2008 г. С. 176–180.

7. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М. ; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1949. 841 с.
8. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Том I. СПб. : Наука ; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994. 438 с.
9. Лищинский Б. Д. Шесть часов в Америке. Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXII. Владивосток : 1998. С. 49–56.
10. Никулин В. С. Пособие по определению видов китов, дельфинов и морских свинок в море. Петропавловск-Камчатский : Камчатрыбвод, 1997. 27 с.
11. Новый большой англо-русский словарь. Т. I. А–F. М. : Изд-во «Русский язык», 1993. 832 с.
12. Пономарева Е. О., Яницкая Т. О. Растительный покров Командорских островов. Природные ресурсы Командорских островов. М. : ИГУ, 1991. С. 59–98.
13. Природные ресурсы Командорских островов (запас, состояние, вопросы охраны и использования) / под ред. акад. В. Е. Соколова и др. М. : Изд-во МГУ, 1991. 215 с.
14. Рапорт В. Й. Беринга в Сенат об описании берегов Камчатки штурманами И. Елагиным и В. А. Хмелевским и начале строительства Петропавловского порта в Авачинской губе. 1741 г. апреля 22. // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. Сборник документов. М. : Наука, 1984. С. 212–214.
15. Рапорт лейтенанта С. Вакселя в Адмиралтейств-коллегию о плавании с В. Й. Берингом к берегам Америки. 1742 г. ноября 15 // Там же. С. 262–270.
16. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / сост., введение и комментарий Р. Г. Ляпуновой и С. Г. Федоровой. Л. : Наука, 1979. 280 с.
17. Саваренский Е. Ф. и др. Цунами 4–5 ноября 1952 г. // Бюллетень Совета по сейсмологии АН СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1958. № 4. 62 с.
18. Святловский А. Е. Цунами. Разрушительные волны, возникающие при подводных землетрясениях в морях и океанах. М. : Изд-во АН СССР, 1957. 49 с.
19. Соловьев С. Л., Ферчев М. Д. Сводка данных о цунами в СССР // Бюл. Совета по сейсмологии. 1961. № 9. С. 23–55.
20. Стеллер Г. В. Описание плавания из Петропавловска на Камчатке к западному побережью Америки, а также происшествий, имевших место на обратном пути. Последняя экспедиция Витуса Беринга. М. : Прогресс-Пангея, 1992. С. 47–132.
21. Стеллер Г. В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки, 1741–1742. / ред., предисловие и комментарий докт. историч. наук А. К. Станюковича. М. : Изд-во «ПАН», 1995. 224 с.
22. Федотов С. А. Долгосрочный сейсмический прогноз для Курило-Камчатской дуги. М. : Наука, 2005. 302 с.
23. Чебров В. Н., Раевская А. А. Землетрясения Камчатки 1737 года // Труды региональной научно-технической конференции «Геофизический мониторинг и проблемы сейсмической безопасности Дальнего Востока России» (11–17 ноября 2007 г., Петропавловск-Камчатский). Петропавловск-Камчатский, 2007. Т. 1. С. 220–229.
24. Чуян Г. Н. Физико-географическое описание острова Беринга по материалам Г. Стеллера и С. Вакселя // Люди великого долга : матер. международных исторических XXVI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 286–291.
25. Чуян Г. Н., Быкасов В. Е. О высоте цунами 1737 г. на острове Беринга // Вестник ДВО РАН, 2011. № 2. С. 155–161.
26. Bourgeois J., Pinegina T., Ponomareva V., Zaretskaia N. Holocene tsunamis in the southwestern Bering Sea, Russian Far East, and their tectonic implications. Geological Society of America Bulletin, March/April 2006. V. 118. No. 3/4. P. 449–463.
27. Steeler G. W. Topographische und physikalische Beschreibung der Beringinsel, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt. Neue norddiscgt Beiträge zur physikalischen und geografischen Erdund Völkerbeschreibung. Naturgeschichte und ökonomik. St. Petersburg, 1781. Bd. 2. S. 235–301.
28. Steller G. W. Reise von Kamtschatka nach Amerika mit Commandeur-Capitan Bering. Ein Pendant zu dessen Beschreibung vjn Kanschotka. St. Peterburg, 1793a.
29. Steller G. W. Tagebuch seiner Seereise aus dem Petropayls Hafen in Kamtschatka mis an die westlichen Küsten von Amerika und seiner Begebenheiten auf der Ruckreise // Neue Nordische Beytrage. Bd. 5. 1793b. S. 129–236.
30. Steller G. W. Tagebuch seiner Seereise aus dem Petropayls Hafen in Kamtschatka mis an die westlichen

Küsten von Amerika und seiner Begebenheiten auf der Ruckreise // Neue Nordische Beytrage. Bd. 6. 1793c. S. 1–26.
31. Steller G. W. Journal of a Voyage with Bering, 1741–1742. Editor, with an introduction, by O. W. Frost. Translated by Margritt A. Engel and O. W. Frost. Stanford University Press, Stanford, California, 1988. 252 p.

Иллюстрации к статье на CD.

В. Н. Шарахматова ТРАДИЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ ПРИРОДНЫМ УСЛОВИЯМ

В современной научной литературе широко представлены исследования глобальных климатических изменений в целом, но, к сожалению уделено мало внимания тем региональным особенностям климатических изменений, которые значимы для традиционных видов хозяйственной деятельности коренного населения (1, 2).

Тем не менее, есть ряд научно-исследовательских проектов, связанных с интеграцией научных знаний и традиционных знаний в области изучения климатических изменений.

Международный проект СИКУ (SIKU – Sea Ice Knowledge and Use in the Arctic) начат в 2006–2007 гг. в Российской Арктике (Чукотский АО), а также на Аляске, в Канаде и Гренландии. Название проекту дал термин сику («морской лед»), общий в языках всех эскимосских народов от Чукотки до Гренландии. Проект СИКУ официально зарегистрирован Объединенным Комитетом МПГ 2007–2008 в ноябре 2005 г. как «МПГ – № 166» (IPY # 166).

Проект СИКУ имеет три главные цели:

- (1) документирование и сохранение народных (традиционных) экологических знаний и морских льдов, ледовой и погодной обстановки и морской охоты в Арктике;
- (2) интеграция научных и традиционных знаний по этим вопросам;
- (3) расширение участия коренных жителей арктических территорий в научных работах по изучению современного климата Арктики (1, 2).

Проект СИКУ отражает растущий интерес ученых, организаций коренных жителей Арктики и администраций северных территорий к сохранению культурного наследия и традиционных знаний аборигенных народов. За период 1990–2005 гг. в Канаде, Гренландии, США, России и других странах было выполнено большое число крупных научных программ по сохранению традиционных экологических знаний коренного населения. СИКУ и другие аналогичные проекты по документированию народных знаний ставят своей целью укрепление взаимодействия между специалистами, изучающими современные изменения климата и природы Арктики, и экспертами из числа морских охотников, рыбаков, оленеводов и старейшин коренного населения (1, 2).

Сравнение результатов традиционных и инструментальных наблюдений показывает значительно большую комплексность (многофакторность) и, соответственно, информативность традиционных характеристик, которые позволяют видеть конкретные последствия изменений климата на экосистемном уровне. При этом особое внимание коренные жители обращают на состояние биологического разнообразия и продуктивности «своих» экосистем и именно в этом плане рассматривают различные изменения неживой природы (2).

Международный проект Арктического Совета EALAT организован Ассоциацией «Оленеводы мира» (AOM) в тесном сотрудничестве с Международным центром оленеводства. EALAT – это информационный проект в составе программы Международного полярного года «Оленеводство и изменение климата». Проект направлен для изучения уязвимости оленеводства к изменениям, которые происходят в обществе, а также для поиска путей адаптации оленеводства к изменениям климата Арктики и пастбищ. В региональных исследованиях особое внимание уделяется информации о том, как используются традиционные знания и как теряются традиционные пастбищные территории.

Беринговоморская сеть системных наблюдений, Международный информационно-сетевой альянс по наблюдениям в Арктике на базе и при участии сообществ (БССН) – совместная исследовательская инициатива Алеутской международной ассоциации, Университета Аляски, Комитета по коренным наукам Аляски (ANSC) и Программы ООН по окружающей среде – Глобальная информационная база данных по ресурсам (UNEP-GRID). БССН – часть международного полярного года, научного проекта, центром которого являются полярные регионы.